

УДК 314.174(571.6)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИНИМАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА)

Т.М. Комарова, С.Н. Мищук

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
ул. Шолом-Алейхема 4, г. Биробиджан, 679016,
e-mail: carpi-komarova@yandex.ru, svetamic79@mail.ru

В статье дан анализ влияния преступности иностранных мигрантов на безопасность личности на территории регионов Дальнего Востока России. Показано, что основную долю преступлений совершают выходцы из стран СНГ, за исключением Еврейской автономной области. В зависимости от стран выхода мигрантов, совершающих преступления, изменяется и структура самой преступности. Уровень безопасности личности в регионах Дальнего Востока, несмотря на некоторое улучшение в последние годы, для Приморского, Хабаровского краев, Амурской, Магаданской, Сахалинской областей до настоящего времени находится на уровне кризиса.

Ключевые слова: преступность мигрантов, Дальневосточный регион, миграция, безопасность личности.

Одной из важнейших внешних и внутренних угроз стабильному состоянию социальной безопасности населения России является преступность, развитие которой способно приводить к существенным отрицательным изменениям общественных отношений, и в итоге она может причинять не меньшие бедствия, чем внешняя угроза национальной безопасности [4]. Так, М.М. Бабаев среди важных факторов, влияющих на преступность, выделяет миграцию населения [1]. Многие криминологи рассматривают миграцию населения как «фоновое явление преступности», влияющее на ее количественные, а иногда и качественные показатели [12, 14]. Мигранты, попадая в непривычные условия, испытывают естественные социально-бытовые и психологические трудности, которые могут оказывать негативное влияние на поведение этих лиц в новой социальной среде. Однако по этой же причине мигранты часто и сами оказываются жертвами преступных посягательств. Другие исследователи придерживаются мнения, что «принимающему обществу миграция может подарить очаги социальной напряженности в местах повышенной концентрации иностранных мигрантов, локальные вспышки этнических конфликтов, рост ксенофобии, политического радикализма и экстремизма» [15].

По мнению отечественных и зарубежных криминологов, миграционные процессы способны влиять на структуру, динамику, а также иные показатели преступности в принимающих странах. Анализ некоторых зарубежных источников по изучению взаимосвязи между миграцией и преступностью показал, что существуют некото-

рые отличия между экономически развитыми и развивающимися странами как в роли динамики преступности, так и в составе преступлений. Немаловажную роль играют и страны выхода мигрантов. В некоторых развивающихся странах, например Центральной Америки, высокая преступность является одной из причин миграции населения из этих стран в более развитые страны, в том числе и в США [18]. В экономически развитых странах чаще всего иммигранты являются одним из факторов увеличения преступности. Например, как отмечают G.A. Antonopoulos и соавторы, мигранты составляют 45,9% от общей численности заключенных в Греции. При этом в общей численности населения доля мигрантов составляет примерно 6,4%. Большую часть мигрантов составляют албанцы, примерно 63,7%. На мигрантов приходится до 27,6% краж, 24,9% краж автомобилей, 33,8% разбойных нападений, 34% изнасилований, 31,8% убийств [16]. В Австралии основная доля преступлений мигрантов связана с незаконным пересечением границы [17]. В Канаде на коренное население приходится больше преступлений, чем на иммигрантов. При этом преступления мигрантов становятся более изощренными, хорошо организованными и транснациональными [19]. Проблемы незаконной миграции в странах ЕС также сохраняют свою актуальность, особенно в последние годы, в связи с массовой миграцией населения из зон боевых действий в странах Ближнего Востока.

В России основная доля преступлений (более 90%) приходится на местное население. При относительно невысоком удельном весе преступ-

Рис. 1. Количество преступлений, совершенных мигрантами в России [2, 7]

Fig. 1. Amount of crimes in Russia committed by migrants

лений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, как отмечают некоторые российские исследователи, их динамика и интенсивность начинает носить неблагоприятный характер. Если в структуре преступности России на преступность зарубежных мигрантов приходилось около 0,6% в 1991–1995 гг., в 1997–2003 гг. 1,8%, то в 2016 г. уже 3,7%. Причем более 80% всех преступлений, совершаемые иностранцами в России, приходится на выходцев из стран СНГ.

Основными нарушениями являются попытки пересечения государственной границы по вновь оформленным паспортам, полученным после изменения личных данных, а также несоблюдение правил пребывания в РФ. Корреляция при этом между численностью мигрантов и их преступностью составила $r = +0,92$ и по ДФО $r = -0,75$.

Дальний Восток (ДВ) исторически являлся регионом интенсивных миграционных процессов. В настоящее время в географической структуре миграции ДВ преобладает отток населения

в рамках внутрироссийской миграции, которая формирует отрицательное сальдо миграции в регионе начиная с 1991 г. При этом международная миграция имеет положительное сальдо. Начиная с конца 1990-х гг. и до 2005 г. доля стран СНГ в динамике миграционного прироста ДВ была неустойчивой и колебалась от 94% в 1998 г. до 6,6% в 2004 г.

Период с 2005 г. по настоящее время характеризуется устойчивым положительным сальдо миграции с зарубежными странами, где доля стран СНГ стабильно превышает 65% и колеблется от 68% в 2014 г. до 96,4% в 2011 г.

Важным элементом миграционных процессов постсоветского периода является иммиграция населения из стран СНГ. В рамках исследования динамики постоянной миграции обращает на себя внимание увеличение числа мигрантов из стран СНГ. В 2014 г. 67,5% миграционного сальдо ДВ с зарубежными странами приходилось на страны ближнего зарубежья (*прим. автора: в официальных статистических данных информация предо-*

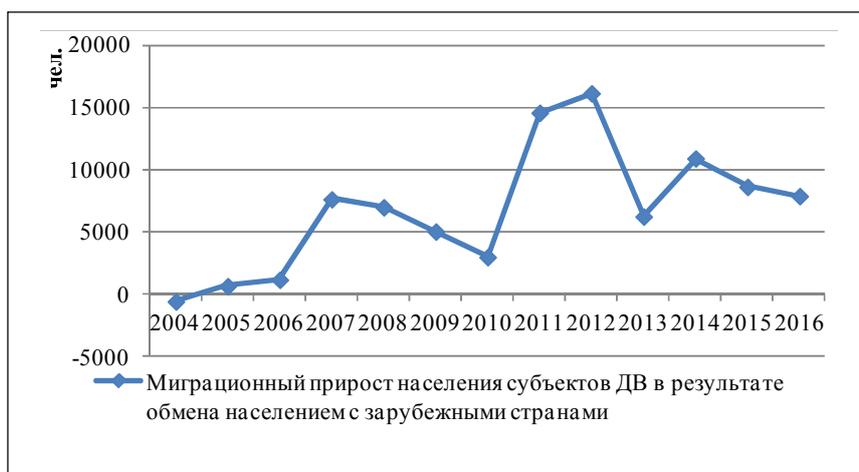

Рис. 2. Миграционный прирост населения субъектов Дальнего Востока в результате обмена населением с зарубежными странами, чел.

Fig. 2. Increase of the population in the Far East due to the foreign migration processes, people

ставлена в разрезе стран СНГ и стран дальнего зарубежья. Исходя из этого в работе в категорию стран ближнего зарубежья входят девять стран – участниц СНГ и две страны в статусе наблюдателя).

В рамках постоянной миграции наибольшее число мигрантов по прибытию и выбытию регистрируются из Узбекистана, Украины, Киргизии, Таджикистана и Армении.

В значительной мере данный рост объясняется «легализацией» представителей СНГ, проживавших на территории России на незаконных основаниях. Официальная регистрация данной части иностранных граждан связана с введением упрощенного порядка их трудоустройства, а также усилением ответственности за нарушения порядка привлечения к трудовой деятельности в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (Федеральные законы РФ № 115-ФЗ от 25.07.2002 г., № 109-ФЗ от 18.07.2006 г., № 110-ФЗ от 18.07.2006 г., № 189-ФЗ от 05.10.2006 г.) [8].

Структура трудовых мигрантов по странам прибытия имеет различия в разрезе субъектов Дальнего Востока.

Исходя из соотношения числа трудовых мигрантов, имевших действующие разрешения на работу или действующий патент, Дальневосточные регионы можно рассматривать в двух группах:

В первой группе (Приморский край, Амурская и Еврейская автономная области) в 2015 г. численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу, превышала численность граждан, имевших действующий патент. По данным региональных УФМС России, в 2015 г. в территориальной структуре трудовых мигрантов, работавших по разрешениям, на долю китайских мигрантов приходилось: в ЕАО – 97%, в Амурской области – 74%, Приморском крае – 55%, Хабаровском крае – 23% [9]. В результате

девальвации рубля, снижения экономической активности и роста издержек работодателей на привлечение иностранных работников в южных субъектах ДФО, за исключением ЕАО, сокращается доля мигрантов из КНР [3].

Во вторую группу входят шесть регионов ДВ (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская область, Сахалинская область и Чукотский автономный округ). Для данных регионов характерно превышение численности иностранных граждан, имевших действующий патент. Наибольшее число мигрантов в общей численности граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основе действующего патента в данных регионах, прибыли из Узбекистана, Республики Кыргызстан, Украины.

Отрицательная корреляция в ДФО позволяет говорить, что снижение числа мигрантов не оказывает в округе значительного влияния на снижение показателей их преступности по сравнению со среднероссийскими показателями. Помимо этого, можно отметить и рост преступлений против иностранных граждан. Как это видно из рис. 1, максимальное количество преступлений, совершенных иностранными гражданами в России, отмечалось в 2009 г. с последующим медленным снижением. Если мы рассмотрим данный показатель на примере Дальневосточного федерального округа, то здесь можно отметить несколько иную картину по сравнению со среднероссийскими показателями: первоначальное снижение показателя, сходного с общими тенденциями, и затем его всплеск с 2012 г., с неустойчивым состоянием, при этом в 2015 г. наблюдалось максимальное количество преступлений за последние десять лет (табл. 1).

Структура национального состава иностранных граждан, находящихся на территории округа 01.01.2013 г., выглядела следующим образом: граждане Узбекистана – 33%, граждане

Количество преступлений, совершенных иностранцами и против них в ДФО (ед.) [12]

Таблица 1

Amount of crimes committed by foreigners and against them in FEFD [12]

Table 1

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Количество преступлений, совершенных иностранцами	1005	1053	1043	1032	879	1017	1317	1218	1331	1042
Количество преступлений против них	628	515	550	383	527	593	754	653	837	800

КНР – 16%, граждане Киргизии – 11,3%, граждане Таджикистана – 9%, граждане Украины – 8,2%, граждане Армении – 5,9%, граждане Азербайджана – 2,5% [6].

Большинство граждан СНГ въезжают на территорию ДФО с целью работы – 54,5%, и с частной целью – 43,1%. Граждане КНР в 41,4% случаев въезда заявляют туризм и в 28,6% – работу. Причиной столь высоких темпов роста за последние годы количества прибывающих на территорию округа граждан СНГ является введение в России с июля 2010 г. системы патентов, которая позволяет гражданам СНГ с безвизовым порядком работать у физических лиц без оформления разрешения на работу и без прохождения медицинской комиссии. В то же время в результате введения данной системы работы по патенту миграционные потоки граждан из стран СНГ не регулируются.

Основными нарушениями мигрантов из КНР являются попытки пересечения государственной границы по вновь оформленным паспортам, полученным после изменения личных данных, а также несоблюдение правил пребывания в РФ; осуществление трудовой деятельности по коммерческим визам в сфере общественного питания, строительстве, ремонте автомобилей и др.

Среди сопровождающих миграционные процессы негативных факторов наибольшую опасность представляют те, которые детерминируют незаконную миграцию и особенно ее криминальную составляющую. Это вызвано тем, что к иным отрицательным последствиям неэффективной миграционной политики добавляется противоправность, следовательно, и дополнительные

затраты общественных и государственных ресурсов, направляемых на восстановление нарушенного правопорядка. Однако известны случаи, когда вопреки международному праву и интересам государств-реципиентов нелегальная миграция из стран, заинтересованных в оттоке собственного населения, не воспрещается, а иногда и поощряется их правительствами. Так, например, в законодательстве КНР фактически не содержится запретительных норм по миграции населения. Исключением являются только те отношения, которые направлены на обеспечение собственного суверенитета или демографических интересов Китая, связанных с его перенаселением [10].

По мнению отечественных и зарубежных криминологов, миграционные процессы способны влиять на структуру, динамику, а также иные показатели преступности в принимающих странах.

Как показал анализ табл. 2, большинство преступлений в отдельных субъектах на Дальнем Востоке, совершенных иностранными гражданами, приходится на граждан СНГ. Исключение составляет Еврейская АО, где на граждан СНГ приходится менее 12%. В целом наибольшее количество преступлений, совершенных иностранцами в 2016 г., приходилось на Приморский край – 32%, но если мы рассмотрим это на примере коэффициента преступности, то здесь будет несколько иная география – Магаданская и Сахалинская области, при очень высокой доле преступлений, совершенных гражданами СНГ, более 89%.

В зависимости от стран выхода мигрантов, совершающих преступления, изменяется и структура самой преступности. Так, гражданами КНР,

Таблица 2

Динамика правонарушений иностранцев в ДФО (на 100 тыс. населения) [12]

Table 2

Dynamics of crimes committed by foreigners in FEFD (per 100 thousand people) [12]

Регион	2010 г.		2012 г.		2014 г.		2016 г.	
	Всего	Доля СНГ, %						
Амурская	17,38	47,9	13,03	44,1	16,04	64,1	11,04	65,1
Магаданская	19,17	63,3	16,41	68,0	32,17	51,0	31,9	100
Сахалинская	18,72	80,6	20,07	87,9	23,72	74,3	28,54	89,9
ЕАО	23,82	7,1	11,0	5,2	13,32	30,4	13,25	13,6
Чукотский АО	7,95	100	15,75	100	11,81	83,3	8,0	100
Камчатский	13,37	97,6	25,89	97,6	21,52	92,7	19,9	98,4
Приморский	21,81	66,9	19,1	56,4	24,5	75,2	17,31	76,0
Хабаровский	11,91	90,6	14,98	78,5	16,17	79,2	17,84	77,7
Республика Саха (Якутия)	9,39	89,9	10,15	86,6	13,5	91,4	11,04	90,5

КНДР, Вьетнама в основном совершаются преступления, связанные с нарушением экологического законодательства и в сфере экономической деятельности. Единичные случаи составляют преступления против личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка. В отличие от мигрантов из Восточной Азии, граждане СНГ значительно чаще совершают преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка [11].

При рассмотрении влияния фактора правопорядка и криминогенной ситуации на социальную безопасность для территории Дальнего Востока были проанализированы следующие показатели: общий уровень преступности, структура преступности. Динамика зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения (так называемый коэффициент преступности) за 1990–2012 гг. имела достаточно неустойчивое состояние. Если до 2002 г. коэффициент имел тенденцию к росту, то начиная с данного года можно сказать, что он находится в достаточно неустойчивом состоянии. За анализируемый период данный коэффициент вырос более чем в 2 раза как по России в целом, так и по Дальнему Востоку. Среди Дальневосточных регионов наибольший рост в 2,3–2,5 раза характерен для Хабаровского края, Амурской области и Еврейской автономной области. Пик роста показателей пришелся на 2006 г., что характерно и для России, и для регионов Дальнего Востока. По сравнению с 2005 г. рост преступности в 2006 г. составил в среднем в 1,08 раза по стране, в 1,25 раза на Дальнем Востоке. Наибольшие показатели роста среди рассматриваемых регионов имеет Приморский край – 1,34 раза.

В России и в ДФО наблюдалось снижение официально зарегистрированной преступности до 2014 г., в 2015 г. всплеск коэффициента преступности был характерен для всех федеральных округов страны. Между тем, уровень преступности ДФО превышает общероссийский на 32%. Кривые графиков динамики зарегистрированных в ДФО преступлений имеют сходный характер со среднероссийской, но отличаются более высокими значениями показателей.

Для вычисления индекса уровня безопасности личности в регионе был использован метод линейного масштабирования, часто применяемый при вычислении индекса качества жизни [5].

Он основывается на определении референтных точек (минимальных и максимальных значений индикаторов) по следующей формуле:

$$H = (Y - Y_{\min}) \cdot (X_{\max} - X_{\min}) / (X - X_{\min}) \cdot (Y_{\max} - Y_{\min}) \quad (1),$$

где Y – индекс уровня безопасности личности, X – показатель уровня преступности n -региона, X_{\min} – минимальный показатель уровня преступности в стране, X_{\max} – максимальный показатель уровня преступности в стране.

В связи с тем, что рассчитанный таким образом индекс уровня безопасности личности является обратным, формула линейного масштабирования приняла следующий вид:

$$H = 1 - ((Y - Y_{\min}) \cdot (X_{\max} - X_{\min}) / (X - X_{\min}) \cdot (Y_{\max} - Y_{\min})) \quad (2).$$

Используя формулу 2, мы рассчитали уровни безопасности личности регионов Дальневосточного федерального округа за 1990–2015 гг. (табл. 3). При этом было выделено пять уровней социальной безопасности: кризисный (менее 0,3), напряженный (0,31–0,5), средний (0,41–0,6), выше среднего (0,61–0,8), высокий (0,81–0,99). Высокое значение показателя свидетельствует о высокой безопасности социальной среды.

Как показал анализ табл. 3, для регионов Дальневосточного федерального округа характерно неустойчивое состояние безопасности личности. Хотя показатели 2015 г. несколько лучше предыдущих лет, говорить о положительных тенденциях по данному показателю еще преждевременно. Наиболее продолжительное кризисное состояние свойственно для Приморского края, Магаданской и Сахалинской областей. Помимо этих регионов, кризисное состояние характерно для Хабаровского края и Амурской области. Достаточно неустойчивое состояние типично для Еврейской автономной области. Среди Дальневосточных регионов относительно благополучное состояние имеют северные территории – Республика Саха (Якутия), Чукотский АО и Камчатский край.

Расчет корреляционной зависимости между показателем безопасности личности и уровнем преступности иностранцев показал достаточно интересную картину. Если по среднероссийским показателям корреляционная зависимость слабая и имеет даже отрицательное значение ($r = -0,28$), то в ряде регионов ДФО, например Республике Саха (Якутия), она имеет высокую прямую зависимость и составляет $r = +0,75$. Таким образом, можно сказать, что для некоторых регионов показатель безопасности личности имеет прямую зависимость от коэффициента преступности мигрантов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Анализ преступности иностранных граждан

Dynamics in the personal safety level in the Far Eastern Federal District

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Россия	0,8	0,56	0,56	0,49	0,38	0,44	0,49	0,56	0,47	0,51
ДФО	0,64	0,30	0,40	0,38	0,20	0,28	0,32	0,36	0,21	0,32
Республика Саха (Якутия)	0,73	0,67	0,68	0,60	0,40	0,48	0,62	0,70	0,63	0,65
Приморский край	0,53	0,17	0,37	0,35	0,07	0,17	0,15	0,17	0,09	0,22
Хабаровский край	0,50	0,23	0,25	0,20	0,15	0,29	0,34	0,36	0,16	0,27
Амурская область	0,78	0,48	0,47	0,46	0,23	0,23	0,26	0,38	0,20	0,23
Камчатский край	0,67	0,49	0,50	0,40	0,45	0,45	0,47	0,54	0,44	0,45
Магаданская область	0,51	0,13	0,23	0,43	0,21	0,28	0,29	0,30	0,23	0,29
Сахалинская область	0,67	0,01	0,40	0,41	0,25	0,30	0,31	0,23	0,10	0,27
Еврейская АО	-	0,11	0,23	0,37	0,21	0,26	0,26	0,45	0,23	0,32
Чукотский АО	-	0,75	0,60	0,32	0,48	0,54	0,47	0,55	0,56	0,51

показал, что практически в большинстве регионов Дальнего Востока основная доля преступлений приходится на граждан СНГ – более 89%, за исключением Еврейской автономной области, где весомую роль играют китайские граждане. В целом наибольшее количество преступлений, совершенных иностранцами, приходилось на Приморский край, но если мы рассмотрим это на примере коэффициента преступности, то здесь будет несколько иная география – Магаданская и Сахалинская области, Камчатский край.

2. В зависимости от стран выхода мигрантов, совершающих преступления, изменяется и структура самой преступности. Выходцами из стран дальнего зарубежья в основном совершаются преступления, связанные с нарушением экологического законодательства, в сфере экономической деятельности. Гражданами из

стран ближнего зарубежья значительно чаще совершаются преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка.

3. Корреляционная зависимость между показателем безопасности личности и уровнем преступности иностранцев имеет высокую зависимость среди дальневосточных территорий только в Республике Саха (Якутия).
4. Уровень безопасности личности в регионах Дальнего Востока, несмотря на некоторое улучшение в последние годы, для Приморского, Хабаровского краев, Амурской, Магаданской, Сахалинской областей до настоящего времени находится на уровне кризиса. Требуется меры по снижению преступности, в том числе и среди мигрантов в регионах Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабаев М.М. Методы анализа влияния различных факторов социально-экономической ситуации на состояние оперативной обстановки. М., 1999. 172 с.
2. Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 11.10.2017).
3. Доклад «О миграционной ситуации в Приморском крае и основных результатах деятельности УФМС России по Приморскому краю за 2015 год». Владивосток: УФМС России по Приморскому краю, 2015. 66 с.
4. Долгова А.И. Здоровье нации и национальная безопасность как криминологическая проблема // Безопасность и здоровье нации в аспекте преступности. М.: Криминологическая ассоциация, 1996. С. 3–12.
5. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России в переходный период: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2003. 377 с.
6. Информация по вопросам депутатов Государственной Думы РФ и министру ЗФ по развитию Дальнего Востока В.И. Ишаеву в рамках «правительственного часа» // Ойкумена. 2013. № 3. С. 129–136.
7. Кобец П.Н. Предупреждение преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. М., 2004. 60 с.
8. Мишук С.Н. Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке в середине XIX в. – начале XXI в. // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 6. С. 33–42.
9. Мишук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI междунар. науч.-практич. конф., Благовещенск, 16–18 мая 2016 г. Благовещенск: Институт Конфуция в БГПУ, 2016. С. 271–274.
10. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект): монография. М.: Издат. дом Шумиловой И.И., 2013. 351 с.
11. Никитенко И.В. Преступность иностранцев: состояние и проблемы с ней (на примере азиатской части России) // Ойкумена. 2013. № 3. С. 118–124.
12. Пахомов Э.С. Социальный механизм связи миграции и преступности. М., 1979. 72 с.
13. Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 11.10.2017).
14. Сахаров А.Б., Волошина Л.А. Общетеоретические вопросы криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. 1974. Вып. 20. С. 14–32.
15. Старченков Г.И. Трудовые миграции между востоком и Западом: вторая половина XX столетия. М., 1997. 150 с.
16. Antonopoulos G.A., Tierney J., Webster C. Police perception of migration and migrants in Greece, Europe // Journal of Crime Criminal Law and Criminal Justice. 2008. 16 (4), P. 353–378.
17. Graycar A. Trafficking in Human Beings // URL: http://hivandaids_Trafficking%20in%20Human%20Beings (дата обращения: 11.10.2017).
18. Hiskey J., Malone M. and Orce D. Violence and Migration in Central America. 2014, Latin American Public Opinion Project Insights series // URL: www.AmericasBarometer.org (дата обращения: 11.10.2017).
19. Plecas D., Evans J. Dandurand Y. Migration and crime: A Canadian Perspective. URL: http://sites_icclr.law.ubc.ca_files_publications_pdfs_MigrationAndCrime (дата обращения: 11.10.2017).

INFLUENCE OF MIGRATION ON THE SECURITY OF THE RECEIVING TERRITORY (A CASE STUDY OF THE FAR EAST REGION)

T.M. Komarova, S.N. Mishchuk

The article analyzes the impact of crimes, committed by foreign migrants in the territory of the Far East, on personal security. It is shown that the majority of crimes are committed by Russian immigrants from the CIS countries, with the exception of the Jewish autonomous region. The character of crime differs dependent on the countries supplying emigrants – criminals. The level of personal security in the regions of the Far East, though a little lower for the last time, is still at crisis level in the Primorsky and Khabarovsk Territories, as well as in the Amur, Magadan, and Sakhalin regions.

Keywords: crimes committed by migrants, Far East region, migration, personal security.